

На 23-м комбинате Мосхлебтранса, состоящем в структуре ГУП «Мосавтотранс», меня встретил главный инженер Игорь Канкиа.

Помню ли, когда к нам Дарья Елисеева пришла? – усмехнулся он. – Еще бы. Пять лет назад. Хочу, заявила, работать на грузовике, дайте мне ЗИЛ-130. Это ж пятитонка! Смотрю на нее: худенькая, застенчивая. Шутки, что ли, шутит? «Ты откуда, красавица?» – спрашиваю. В троллейбусном парке, отвечает, работала, теперь желаю пересестись на грузовик.

Игорь Затоевич с удовольствием рассказывает о Елисеевой:

– Да еще бы! Такая упрямая. Посади меня на грузовик – и все. Как посадить? И трамваями, и троллейбусами, и даже автобусами дамы уже управляют. Но не было тогда в Москве женщин – водителей грузовых машин. И сейчас их нет. Она – единственная. Целый месяц, как на работу, ко мне ходила. Что будешь делать? Взвали. И не пожалели! Она у нас среди лучших. Ни одной аварии. За машиной смотрит как мама родная. Пока не приведет свой грузовик в порядок, домой не уйдет. Сам удивляюсь, понимаешь. Пересаживайся на новую «газель», предлагаю, – не хочет! Больше того, в ноябре явилась ко мне: «Дайте мне муковоз». Это 16-тонный автомобиль. «Даша, у тебя же нет категории Е!» – хватаюсь за соломинку. Уже есть, отвечает, я за это время обучилась. Пока я не рискнул, но она же упорная, от своего не отступит. А вот и наша Дарья...

Гляжу на нее, и, наверное, выражение моего лица в этот момент интеллектуальным не назовешь. Тростиночка, походя, пожалуй, на балерину, за баранкой пятитонки. Забираемся в кабину ее ЗИЛа и начинаем общаться.

– Дарья, ваш главный инженер сообщил, что в столице вы – единственная женщина, управляющая грузовиком.

– Надо же, – искренно удивилась она. – Я и не знала. А впрочем, какая разница.

Москвичка с Арбата, Елисеева воспитывалась в семье архитекторов. Отец работал в то время в Моспроекте-2, в част-

малолетнюю хиппи в арбатских предпроектных переулках. – Я хорошо рисовала, кстати, графикой балуюсь и до сих пор. Увлекалась немецким и думала, возможно, пойду в переводчики.

Дарья неплохо к пятнадцати годам изъяснялась на языке Гете, но к тому времени, после восьмого класса, она уже ушла из школы и обивала пороги

кривой рот, за этим бесконечным автомобильным круговоротом. Наверное, наш сумасшедший техногенный век в этом виноват.

Даша вспоминает, как она шла с бабушкой по улице, увидела здоровенный КраЗ и выпалила: «Бабуля, я, когда вырасту, буду на такой машине работать». – «Ты с ума сошла, внучка», – изменилась в лице пожилая женщина. Кто же знал, что это тихое, миниатюрное создание с тех самых пор всегда ставило перед собой четкие задачи и добивалось их решения. Знала, придется добиваться, будет сложно...

Понятное дело, что в 15 лет ее на работу не приняли. Но через год, обрета паспорт, она уже устроилась в ремонтную бригаду троллейбусного парка учеником слесаря. Вскоре получила 3-й разряд. В агрегатном цехе перебирала детали, снятые с машин. Начальство относилось к этой странной девочке неплохо, а вот сослуживцы подначивали. Попросила Даша перевести ее на ремонт машин. Еще тогда изучила электродвигатель. А потом шесть лет водила троллейбусы – по 71, 11, 67-му маршрутам.

– Все у меня там сложилось, – сообщила Елисеева, – и зарплата вроде устраивала, друзей были...

– Что ж вы оттуда ушли на 23-ю автобазу?

– Так я ж объясняю: это было не совсем то, чего хотела. Я мечтала работать на грузовике.

– И все пять лет вы работаете на этом ЗИЛе? Смотрите, вы с машиной этой обращайтесь, как с живым существом. Может, у этого существа имя есть?

– Конечно, – подтвердила Дарья. – Этого зануду зовут Кексом.

– Почему Кексом? Потому что хлебный фургон?

– Нет, что вы! Просто он, когда я его приняла, такой чудной был, странный. С характером. В первый год нашего с Кексом знакомства он норовил постоянно выкинуть какую-нибудь техническую па-

Оказалось, до того, как попасть в Дашины руки, этот самый Кекс три года стоял на приколе, никому не нужный. Никто с 11-летним доходягой возиться не хотел. Она сама его восстановила. Это вам не ручечку потянуть, рычажок повернуть. Елисеева может разобрать и заново собрать машину без посторонней помощи. Так случилось и с Кексом. Уход и ласка сделали свое дело. Сейчас, уточняет Елисеева, на нем можно хоть в космос лететь. Четыре года безотказно работает машина. Выходит, перевоспитала Даша этого самодвижущегося мужичка.

Она возит хлеб в контейнерах с хлебокомбинатов, различные грузы. Говорит, на дороге ей спокойно. Пробки? Ну что ж делать! Хамство? Так ведь, если надо, за себя и постоять можно. Впрочем, скандалить не любит. Однажды, когда она стояла на светофоре, под грузовик въехал микроавтобус.

– Что я буду кричать на этого несчастного водителя? – пожимает плечами Дарья. – И без того, милый, с оторванным рулем в руках сидел в шоке. Зачем глотку драть? Это дорога, здесь всякое случается.

– А как же безумный график работы? В ночь ехать надо, в выходные... Личной жизни не мешает?

– Мешает, но что же делать – пусть меня любят такой, какая есть.

– Но муковоз-то вам зачем?

– А так устроена моя жизнь, ничего не попишешь. Что же останавливаться? Пятитонку я давно освоила, пора брать машину и потяжелее. Я бы в дальнотракторной пошла, фуры бы по стране перегоняла.

– Даша, ну а дальше вы заглядывали?

– Знаете, я не люблю загадывать. Я иду по лестнице своей жизни, перешагивая со ступеньки на ступеньку. Сейчас мне нужно пересестись на тяжелый грузовик. А там уж оглянусь, посмотрю, что мне с собой делать...

Берегитесь, Игорь Затоевич, – видно, муковоз вам Дарье отдать придется.

Владимир РАТМАНСКИЙ

ДАРЬЯ И КЕКС

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

ности, проектировал универмаг «Московский». Нынче он один из руководителей архитектурной компании. До 13 лет Даша была обычным покладистым ребенком, а потом что-то щелкнуло в организме, и слушаться она перестала.

– Нет, я вовсе не хулиганила, продолжала нормально учиться, – уточнила она, а то уж я было начал представлять себе

8-го троллейбусного парка, требуя принять ее на работу.

– Очевидно, я довольно рано стала самостоятельной, – размышляла Дарья Александровна. – Решила получить специальность и выбрала водительскую профессию. Конечно, родители были в шоке. Но что же делать, если я влюбилась в машины. Стояла и смотрела, от-

Николай Судницын работает на тепловой станции РТС «Переяславская» (теперь это предприятие № 7, филиал № 1 «Центральный» ОАО «МОЭК») сорок лет, с самого ее рождения. У этой гигантской «печки» он знает каждую большую точку. Высококласный специалист, мастер пятого разряда, слесарь по тепловому и газовому оборудованию, оператор ЦТП... Про него говорят, что этот человек несет людям тепло – во всех смыслах слова. И в силу своей «теплой» профессии, и благодаря энергии души.

У Судницына – самая универсальная в мире профессия. Слесарное дело предоставило ему возможность не только «топить печку» районного масштаба, но и спасать людей от квартирных наводнений, ремонтировать рентгеновское оборудование, даже мастерить игрушки...

ТЕПЛОТВОРНАЯ ПРОФЕССИЯ

НИКОЛИНО ДЕТСТВО

...Жаль было ему расставаться с родным Спаском, что под Рязанью. Кажется, в есенинских местах, в «стране березового ситца» все мальчишки были немного романтиками. Вот и Николая с детства тянуло к хорошей музыке. Он без спросу брал отцовский баян, пробовал подбирать мелодии. Попытался поступить в музыкальное училище, но не вышло...

А еще его детство – это самодельные деревянные коньки, футбольный мяч из тряпок и сена, катание на санках через ущелье. И, конечно же, настоящий аэроплан, от одного вида которого захватывало дух! Летательный аппарат смастерил его родной дядя Паша. В Николином детстве были даже быстроеходные аэросани. Как можно было все это бросить? А что прикажете делать с первой любовью? Навсегда расстаться с Риткой Королевой, дочкой командира полка истребителей? Но все-таки в Москву ехать пришлось: маму перевели на работу начальником почтового отделения в Теплом Стане.

СПАСИТЕЛЬ ПРИШЕЛ...

До прихода на Переяславскую РТС Николай Судницын постигал азы слесарного дела в ЖЭКе № 6 Москворецкого района. Молодому человеку приходилось пахать не то что за себя и за того парня, а сразу за восьмерых. Но он устроился подрабатывать еще и в другой ЖЭК: в те времена у коммунальщиков была большая текучка кадров. Начинающему специалисту за хорошую работу выделили первое жилье – крошечную восьмиметровую комнатку в общежитии. Парня соседи даже не подпускали к плите: в коммуналке, состоящей из тридцати человек, она была единственная, как и туалет. Но однажды отношение к молодому жильцу изменилось – парень взял да и отремонтировал неполноценный туалет. И соседи сразу же его зауважали.

А жильцы, которых он обслуживал, стали относиться к молодому мастеру как к спасителю. Тогда многие семьи ютились в подвальных и полуподвальных этажах. В таких помещениях периодически

случались наводнения. И частенько можно было наблюдать такую картину: дети сидели на шкафах, а взрослые по колено в воде пытались собрать плавающие игрушки, посуду, документы. Понятно, что, оказавшись в такой ситуации слесаря встречали словами: «Пришел наш спаситель!» Может, когда и слышал наш герой от клиентов недобрые слова, только память их не сохранила. Как ни старался, дядя Коля вспомнил только один случай. Однажды, после того как он закончил ремонт, пожилая женщина пыталась отблагодарить мастера чаевыми. Тот долго отказывался, но настойчивая бабулька все-таки засунула ему в карман деньги. Не успел Николай вернуться в контору, как на него пришла «телега» – мол, берет взятки у населения. От кого, думаете, поступила жалоба? От того же самого божьего одуванчика... За такие дела в те годы полагалось увольнение. Но Николая начальство слишком ценило, чтобы поддаться на провокацию.

ВСЕГДА В ТЕПЛЕ

Многим поколениям тепловиков кажется, что дядя Коля работал на Переяславской станции всегда. Здесь его зовут просто Василеч. Он свидетель тому, что за все время работы на этой гигантской «печке» в центре Москвы не было ни одного крупного ЧП. Хотя, как я ни пыталась разговорить моего собеседника про его работу на станции, каждый раз слышала: «Лен, а зачем писать обо мне? Ты лучше о станции напиши. Вот я всю ночь не спал, вспоминал о людях, которые трудились здесь с самого первого дня». Из рассказов Василеча о коллегах по крупнице собираю картину его личного кропотливого труда.

– Не дай бог, если «загазуются» топка котла! Тогда может случиться утечка газа, – объясняет дядя Коля.

Но разве подобную ситуацию может допустить такой опытный мастер, как он? У него, как у хорошего доктора «скорой», всю жизнь был принцип: точно поставить диагноз и быстро облегчить состояние больного. Скажем, стоит только закапать воде в задвижку – туда может попасть воздух, что поме-

шает циркуляции воды. Если, конечно, вовремя эту задвижку дядя Коля не подтянет.

От Николая Васильевича я узнаю и еще много интересного. Например, что внутри задвижки есть «щечки». И что, когда гачки «мягко тянутся», на душе становится спокойно. Из такой на первый взгляд рутинной заботы складывается безопасность работы станции. А значит, у жителей центральной части города зимой всегда теплые батареи.

На мой вопрос: «Что вас удерживало сорок лет на одном месте?» – вдруг услышала: «А разве можно найти что-то лучше? Я здесь всегда в тепле. Да и работа у меня интересная. В каком уголке «печки» я только не был! Разве что на 50-метровую трубу не забрался. А по молодости так хотелось оттуда посмотреть на Москву».

Вспоминая, Николай Васильевич задумался: «Почему-то во времена моей юности мои ровесники-слесари были намного энергичнее, чем нынешняя молодежь. Я задвижку килограммов тридцать один коленом поддерживал и еще работал с ней. А сейчас дети компьютерные – вдвоем такой «штурвал» еле удерживают. Но у сегодняшней молодежи свои преимущества...» Николай Васильевич говорит, что сейчас разряд получить намного легче, чем в его время. Раньше слесарям приходилось пахать по три ночные смены подряд. После такой ударной вахты он однажды поехал сдавать экзамен на разряд. Пока готовился отвечать, уткнулся носом в тетрадку и заснул...

– Мне и сейчас хочется жить полноценной, активной жизнью, – говорит Василеч. – Раньше боксом занимался – теперь перешел на бильярд, по возрасту. Но, если сейчас уйду на пенсию, тут же завяну. Лет бы до 70 доработать!

«Переяславская» давно стала для него родным местом. Многих сотрудников он знает все сорок лет. Дядя Коля размышляет вслух: «Я стараюсь, чтобы от меня люди получали только добро и тепло. Если с кем из мужиков поссорился, я всегда первым протяну руку. И чем могу – помогу».

– Николай Васильевич – человек безотказный и очень надежный, – сказал мне начальник станции Владимир Якунин. – Он живет по принципу: «Всегда готов!» За время работы Николая Васильевича

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТКОШКИНА

здесь сменилось семь «голов». Выходит, что станция начинается и держится именно на таких людях, как Николай Судницын. И его главный поступок в жизни – вовсе не одна яркая вспышка, а каждый день, который он посвятил родной станции.

40 ЛЕТ В ОДНОЙ ЛОДКЕ...

Думал ли молодой слесарь, когда мастерил на фабрике культтоваров счетные палочки, ведерки, зверюшек, что, не прояви он однажды характер, не встретил бы свою половину? Как-то раз тихий паренек на комсомольском собрании не выдержал несправедливости – путевки на отдых опять раздавали «по верхушкам», среди лидеров. И устроил небольшой скандал, результатом которого стала поездка на волжскую турбазу «Лисицы». Там настоящий моряк научил его правильно управлять лодкой с веслами.

Усвоив уроки гребли, наш турист решил испытать себя в деле. Отправился в плавание по Волге. И тут заметил пару голубков в лодке. Между тем тучи нахмурились, подул сильный ветер, поднялась большая волна. Парочка никак не могла причалить. Их лодку все дальше относило от берега. Николай быстро подплыл к ним и предложил девушке: «Пересаживайтесь в мою лодку!» Но она не решалась.

Спустя время Николай увидел эту девушку на высоком берегу Волги одну. Она шла с книжкой в руке. На ней было длинное пышное платье в цветочек. А вечером он заметил ее, танцующую с каким-то парнем. Когда закончилась музыка, Коля строго спросил «самозванца»: «Ты что это за моей девушкой ухлестываешь?» Сам-то он даже не знал, как «его девушку» зовут. Дальше был белый танец. Неожиданно к Николаю подошли две его подружки и сказали, что вон та скромная красавица приглашает его. Это была Она!

Вскоре нашему знакомому пришла пора уезжать. Но...

– У меня любовь жива и сегодня. Я уже сорок лет пытаю жену: «Признайся, ты меня любишь?»

Елена ВОЛКОВА